

вое разделение на «своих» и «чужих» в процессе становления и номинации этносов.

Что касается бамбара, то у них есть полная убежденность в самоценности, безусловное собственное достоинство, но и — открытость, склонность к диалоговому взаимодействию. По историческим сведениям и живым полевым материалам можно утверждать, что представителям этого этноса свойственна публичная деятельность, служение, идеальная детерминация действий во имя более широкой общности-целостности, к которой сами они могут принадлежать наряду с подобными себе либо отличающимися, но не более чем части целого, общего по основанию. Впрочем, с предложенной интерпретацией семантики и словоупотребления «бамана» как «собиратели/сопругатели» это вполне созвучно.

В то же время можно утверждать, что самовосприятие бамбара, включающее элементы осознанных мессианских функций, не противоречит реально «отыгранным» и по-прежнему продолжающимся ролям этого обширного и сравнительно молодого этноса в истории и текущей жизни региона и Республики Мали.

Однако если самосознание — важный элемент этнической составляющей мировосприятия, «контекстуализации» общества в текущих жизненных процессах, то оно выступает лишь весьма частным моментом в совокупности различных сторон отражения, построения вербализованных и невербализованных картин мира, его ощущений, моделей, алгоритмов поведения в мире реальном.

Структуры реализации рефлексивной функции общества

Отражение как особое свойство имманентно присуще человеческой природе. Принимая же во внимание социальный характер человеческого существования, его принципиальную предопределенность общественными формами, есть основание говорить о социальной составляющей отражения, его соответствующей организации, способах, кодах отражения, характере самой информации, предмете отражения и т.п.

Именно высокая степень включенности бамбара в природные процессы, ориентация общества на согласованность с ними, следование им в осознанных, интуитивных, эксплицитных и имплицитных формах характеризуют и всю систему отражения этого этноса (как культурного множества со специфическими кодами, иерархией и со-

держанием ценностных установок и т.п.). Впрочем, как и для прочих особенностей организации жизни в рамках Западносуданского региона, здесь также наблюдается проявление единообразия, все того же континуума культурно-популяционных форм.

Рассматривая способы отражения в случае бамбара, нельзя не учитывать, что индивидуальная, групповая и прочие более общие коллективные картины мира будут нетождественны как в иерархии «уровней», так и в пределах разных проявлений на одном уровне. Однако все эти варианты теснейшим образом сопряжены друг с другом. И любое индивидуальное видение есть вариант общего. И наоборот, это общее выступает как инвариантное во множестве вариантов индивидуальных отражений, (и воспроизведенных) картин. Однако этот аспект лежит за рамками задач данного исследования. Хотя, скажем, вопросы о соотношении индивидуального сознания и общественного сознания, индивидуального бессознательного и коллективного бессознательного имеют право на самостоятельный интерес, а смешивать или игнорировать реальность этих различий было бы неверно.

Как и вся система культуры, в целом общественное сознание унаследовано, т.е. выступает результатом предшествовавшего исторического процесса и служит восприятию синхронных событий, прогнозированию будущих, выработке стратегий поведения, целеполаганию программ и сценариев достижения желаемых результатов. В синхронном срезе общественного процесса на долю общественного сознания выпадает и корректировка целей, сценариев, программ вследствие изменения условий существования — инновационного потока, во многом вызванного эволюцией среды и лишь в какой-то степени саморазвитием общества. Для бамбара характерна институализация этих функций, т.е. наличие группирований корпоративных объединений соответствующих членов общества, которые в силу реально действующей системы общественных отношений, своего социального статуса, принадлежности к данным группам формулируют, корректируют, воспроизводят стереотипные и нормативные положения картины мира и поведенческой программы. Часто это напрямую связано с функцией управления общественным процессом, в ее явной и скрытой формах. Путь к такому статусу стереотипен, но и индивидуален. Во многом он предопределен ценностной системой, закладываемой с раннего детства в соответствии с представлениями о нормативном жизненном цикле, своеобразной целью которого выступает достижение состояния «завершенного, состоявшегося человека» — «чее-дафален». Практически в сознании бамбара это может быть интерпре-

тировано как достижение статуса «предка» или лица, социальная роль которого сохраняется вне зависимости от того, жив он или умер. Впрочем, и это противопоставление малоактуально для бамбара, ибо их взгляды на смерть резко отличаются от привычных нам европейских. Скорее, «смерть» — это иное состояние «жизни», к тому же обратимое при определенных условиях к образу действительной «жизни». Эти взгляды связаны с особыми представлениями о «времени», о чем еще предстоит упомянуть.

Разумеется, вопрос о проявлении и соотношении «сознательного» и «бессознательного» у бамбара не может быть сведен к определению среды формирования картин мира, коррекций поведения и т.п. Своеобразным «коллективным разумом» бамбара выступает вся совокупность проявлений интеллектуальной деятельности всего культурного множества, всех носителей этих кодов, сопряженных единством взаимодействия и обмена информацией. При определенных обстоятельствах умозаключение любого ребенка, пройдя по цепочке связей и опосредований (скажем, от ближайшего окружения до главы «дугу», лидера «дугу» и т.п.), может стать социально значимым, если вносит новизну в понимание и толкование жизненно важных для общества проблем. Впрочем, откуда бы ни исходила вновь обретенная информация (входящая в оборот, воспроизводство, в традицию), ее источник, как правило, будет нивелирован, анонимен, если только речь не идет об эпониме, «культурном герое», вошедшем в эпическую традицию как символическая сакральная величина. Впрочем, появление таких «фигурантов» само по себе сопряжено с прохождением обществом полосы кризиса, выходом из него в фазу стабилизации с закреплением этого вновь обретенного баланса идеологическими средствами, например через сакрализацию/канонизацию персонажей (или их образов, обобщений) стабилизирующего перехода. Таков, скажем, механизм мифологизации, героизации/«идиотизации» (демонизации). Такова логика формирования эпических циклов Западного Судана, поддерживающих через систему ценностных установок социальный порядок в регионе. Кстати, и система «джаму» не в последнюю очередь связана в сознании населения с подобной «аргументацией» своей «правовой базы».

Разумеется, если исходить из того, что «сознательное» — это так или иначе вербализованное в отражающей сфере жизни, текстуализованное, аргументированное, то облегчается поиск подходов к видению «бессознательного» как антипода, не обладающего этими свойствами. Думаю, что это только приближение к проблеме, но не

разрешение ее. Тем не менее даже такая постановка вопроса сама по себе способна приоткрыть некоторые механизмы отражающей деятельности в системе живовоспроизводства бамбара, хотя бы потому что выводит на весьма кардинальную проблему понимания принципов архаической ментальности, вполне созвучных мироотражающей системе бамбара. Речь идет о признаваемой к концу XX в. как безусловной альтернативе левополушарного (рационального) и правополушарного (образного, художественного) типов мышления. При этом если цивилизация строится почти исключительно на лидерстве рациональной (аналитической) модели, то Архаика, безусловно, сопряжена с преимущественным оперированием образами, ощущениями в отражении и познании действительного мира. И это, пожалуй, не просто метафоры изложения, а внутренние весьма жесткие закономерности, императивы.

Возьмусь утверждать, что в традиционном мироотражении бамбара зона «сознательного», сформулированного весьма ограничена, зато зона образного, ощущаемого — первостепенна. «Бессознательное» так же может текстуализироваться, как и «сознательное». Только «тексты» эти будут иного рода. Они редко (или очень необычно) вербализованы. В первую очередь это цепочки образов, метафор. Логика соединения звеньев таких последовательностей далека от наших представлений о каузальности. Здесь «причина» и «следствие» кроются в совпадении/несовпадении образов по основным или более или менее случайным проявлениям самих образов. Главной аргументацией выступает не логическое, а чувственное, эмоциональное совпадение, в дальнейшем превращающееся в безусловную, «доказанную» связь.

Это «ощущенное» или «со-ощущенное» так же стереотипно, как и «осознанное», если превратилось в факт коллективного мироотражения. Более того, можно утверждать, что в реальных условиях бамбара и всего западносуданского культурно-исторического континуума оно и более важно, и более распространено (как основа перцепции и отражения), поскольку опирается на глубинные движущие силы данных форм жизни, в которых главенствующую роль играет собственно природный фактор. Да и сама «жизнь», жизнь общества (в его составляющих и в совокупности), воспринимается населением как органичная часть самого природного процесса. Скажем, общение с феноменами природы (ландшафтными реальностями, явлениями погоды, животными, растениями) может быть для бамбара не столько метафорой, фигурой речи — не мнимой реальностью, а вполне живой

за счет действенности и действительности прямых, в том числе и эмоциональных, связей с окружающей средой, утраченных представителями цивилизации. В реальной популяции, реальном социуме, реальной культурной среде с совпадающими или близкими кодами восприятия и передача/восприятие такой информации идет быстрее, чем в вербализованных, логических системах. Здесь же «эксплицитность» совсем другая (возможно, даже совпадающая с «имплицитностью»), поскольку в таком «бессознательном» «намерение» и «действии» должны совпадать, а скрытого намерения быть не может, ибо манифестация намерения непреложна при появлении самого намерения. Механизм улавливания этих токов мы часто называем интуицией. Но именно на такой игре «намерения» и «действия» основано психологическое взаимодействие охотника и животного — взаимодействие, выступающее в качестве поединка. Примерно те же конструкции действуют у земледельца при выборе поля, условий взаимодействия с землей и т.п., у животновода — по отношению к стаду и угодьям, у рыболова — к воде и ее обитателям, у кузнеца — к огню, горну, металлу. Это особое, почти телесное, почти материальное единение: причастность и сопричастность.

При рассмотрении явлений, сопряженных с выражением общественного сознания бамбара, оправданно различать факты «концептуального» и «обыденного» сознания. Впрочем, противопоставление это несколько условно, в первую очередь из-за того, что в процессе социализации, в частности в период инициаций (имеющих многоэтапный и, по сути, постоянный на протяжении всей жизни характер), члены общества в принципе равно получают нормативную, структурированную информацию о разных сторонах жизненного потока. Эта базовая информация во многом выражает концептуальную сторону общественного сознания. Она в прямой или скрытой форме проявляется в деятельности, действиях, суждениях членов общества — во многом, в зависимости от их личных особенностей, склонностей, способностей к организованным эксплицитным формам рефлексии, мышления, саморефлексии. В то же время способ существования «в природе», малая опосредованность форм жизни от хода природных процессов, высокая степень стереотипизации поведения, а с ним и отражения весьма мало способствуют в повседневности потребности и практике абстрактного мышления. Было бы совсем неверно отрицать таковое. Но констатируемая «логика» эволюции отражающих форм скорее говорит не о доминанте выработки понятий и оперировании ими (в массовых проявлениях рефлексивной

деятельности), а о формировании системы образов по принципам аналогий. Впрочем, это лишь отражает особенности мышления как построенного на лидерстве правополушарной активности. А это, в свою очередь, полностью согласуется с общей характеристикой общества, его культуры и образа существования как «архаического», живущего в условиях, близких к «первичному природообмену». Может быть, даже правильно отметить, что воспринимаемое европейцами как «обыденное сознание» проявление образности мышления, метафоричности речи и есть реальность «концептуального мышления» для бамбара, ибо способность воспроизводить и тем более порождать образные ряды и их многомерные переплетения и есть «образная концептуальность», вершина проникновения в связь явлений при лидерстве правополушарной модели отражения.

Именно в рамках форм концептуального сознания происходит структурирование и вербализация картин мира, систем ценностных ориентаций, часть из которых в форме сказок, пословиц, поговорок формирует этику бытового поведения, эпос (и близкие к нему формы), вырабатывает систему социально престижного, эталонного поведения, служит своеобразной идеологией общественного целеполагания и т.п. Особо следует оговорить сложности с отслеживанием у бамбара мифологических систем. Казалось бы, они должны быть, и их находят исходя из «естественной» потребности людей к рациональным, осознанным, сформулированным формам поведения. Однако «естественных» (нереконструированных) текстов в общем нет. Да их, пожалуй, и не должно быть, поскольку основные принципы отражения не предполагают такую форму в многомерном потоке и связке образов. Впрочем, есть точка зрения, что мифы — это предмет эзотерического знания. Следовательно, на поверхности их и не должно быть. Такую точку зрения, в частности, мне высказывала Ж. Дитерлен, крупнейший представитель французской школы изучения ментальных систем Африки. Во всяком случае, ответить на такой «посыл» можно только тем, что в ментальности бамбара, вероятно, всякое изречение, суждение, мысль посвоему эзотеричны. Принципы культуры и мышления бамбара, реализуемые в языке, вербальном потоке информации, да и в зрительно организованных системах, представляют собой многослойность уровней семантики. И даже бытовое общение имеет определенный выраженный для носителей культуры сакральный смысл, а следовательно, эзотерично. По крайней мере, в глазах европейцев. Как иначе, к примеру, объяснить императив излагать сказки лишь после захода солнца. То же относится и к эпическому жанру.

Нам весьма непросто понять, где кончается повседневность и начинается «идеология». И наоборот. Однако в реальной жизни общества «концептуальное сознание» имеет организованные формы и структуры производства и воспроизводства. Они по-своему эзотеричны, хотя и имеют публичные, открытые для профанов формы проявления. Прежде всего речь идет о «тайных союзах», корпоративных объединениях со своими открытыми только посвященным знаковыми системами, кодами, специфичными по предмету и направленности блоками информации. Организация их близка к принципам половозрастной стратификации общества. По базовой символике большинство из них связаны с «миром леса», будь то охотничьи союзы, детские общества «Н'Томо», универсальный мужской «посвященный союз» «Комо» и др. Часть союзов структурируется по иерархизации знаний, часть — одновременно по основному «предмету», функциональной определенности, социальным ролям лидеров внутри корпоративного объединения представителей социальных групп макроуровня организации общества. Так, «Комо» связан со стихией огня, и ведущую, организующую роль в нем играют «нуму» («кузнецы»). «Коре» во многом связан с миром растений, деревьев и т.п. Военная функция прослеживается и в охотничьих союзах («донсо-тон»), и в «До», и в «Комо». Разобраться в хитросплетениях функций и информационной базы «союзов» весьма непросто, тем более что один и тот же человек может функционировать в нескольких «союзах» сразу. Собственно, здесь это и невозможно сделать. Хотя в целом можно сказать, что проблемы этого круга напрямую скорее всего не решаются, а исследования в этой области имеют малую достоверную информацию, строятся по неадекватной логике, на базе привнесенных параметров рассмотрения.

Однако безусловно то, что «тайные союзы» являются бесспорной формой организации интеллектуального процесса в обществе. Посвящение выступает своеобразной формой тестирования, отбора элиты на базе природных и культурных параметров любого члена общества. Обряды, ритуалы, их обстоятельства, всевозможные события в природных и общественных процессах — все это является поводом для активации основных блоков картины мира в ходе соответствующих обсуждений. Причем часть вопросов может обсуждаться во внешне «профанной» обстановке, поскольку члены союзов сопоставимого социального статуса, относящего их к «элите», имеют и вполне высокий публичный статус. Поэтому, например, когда речь идет о совместном «сидении» «стариков», профанный характер действия вовсе не

бесспорен, ибо в скрытой форме тот же «совет деревни» выступает и аудиторией согласования позиций эзотерических объединений и их элит по текущим вопросам жизни и управления.

«Тайные союзы» во многом выступают каналами согласования природных и общественных процессов через их соотнесение и коррекцию в соответствии с эталонной картиной мира. Непререкаема их роль в деле обеспечения морального климата в обществе, а с ним и общественной дисциплины, поддержания управляемости обществом через скрытые механизмы уважения и подчинения публичным институтам власти. Инструментом поддержания соответствующей иерархии выступает и авторитет вышестоящих членов общества по отношению к нижестоящим. Это подкрепляется уровнем информированности, глубиной знаний и способностью оперировать ими для интерпретации вновь возникающей информации и для принятия адекватных решений. Отсюда во многом уважительное отношение к старшим по возрасту, а соответственно, и по уровню посвящения, владению более фундаментальными знаниями и навыками. Обратной стороной этого авторитета выступает опасение со стороны нижестоящих к вышестоящим — опасение вызвать неудовольствие, а с ним — наказание. Механизм «страха», как мне представляется, не следует преувеличивать при определении движущих сил управленческого процесса в архаическом обществе и, в частности, у бамбара. Конкуренция поколений в большей степени надумана и выступает экстраполяцией процессов «цивилизованного общества», где жизненный процесс во многом ориентирован на самооценку «индивида», его форсированное стремление к преодолению ступеней общественной иерархии. Однако «особь» — не «индивид», и в бамбарских условиях кризис авторитета возраста, авторитета знания возможен только при лавинообразном процессе смены информации, ее кодов, содержания. Именно тогда старое «знание» становится неадекватным, а с ним оспоримой и вся система управления, регулирования жизненного процесса, на этом «знании» построенная.

В то же время полностью механизм страха отрицать нельзя в его роли психологической подоплеку управляемости общественным процессом. «Тайные союзы» обладают соответствующим набором средств устрашения, о которых, впрочем, больше разговоров, чем случаев прибегания к ним. Ведь в обществе, в основе отражающей системы которого лежат принципы аналогий, совпадения по образному подобию, принципы баланса ощущений взаимодействующих сторон, сама мысль обладает безусловной силой. А мысль, облеченная в речь, —

уже материальна и близка к своему воплощению, превращению в готовый неизбежный результат. Это непререкаемая сила слова, на практике тождественного самому действию. Противостоять ему можно только равным (или более значимым) по силе словом. А для этого надо иметь равный или больший по уровню статус посвящения, который соответствует и иному социальному статусу, подразумевающему, по правилам воспроизводства и производства идей в обществе равного с бамбара типа, и причастность к корпоративным структурам интеллектуальной жизни, к элитам, сосредоточенным в «тайных союзах» (или сопричастным, по крайней мере, к ним).

Быть в «союзе» престижно, почетно. Это прямой путь к реализации нормативной жизненной программы. Быть вне «союза» — значит оказаться недостойным, изгоем, презираемым и отвергаемым. Вот почему любой исходя из нормативной схемы жизненного цикла будет и стремиться к принятию его в соответствующие союзы, и продвигаться вверх в их внутренней иерархии, и уж тем более не вступать в конфликты с этими корпоративными объединениями, деятельность которых сокрыта от непосвященных, а профанация наказуема вплоть до смерти провинившегося.

Наиболее легко доступна наблюдению лишь определенная часть деятельности охотничьих союзов. Их церемонии в значительной степени привязаны к жилому пространству поселений, обитатели которых вне зависимости от членства в «союзе» становятся зрителями и частично соучастниками действия. В ходе всех этих процессий, танцев, речиталов, которыми сопровождается обряд, идет прямое и скрытое восхваление и образа жизни охотников, и силы их «союза». Дети, молодежь видят всеобщее внимание и восхищение, слышат эмоциональные рассказы о подвигах охотников, и у них либо возникает желание подражать, либо формируется чувство отчужденности и боязливости как реакция на не ставшую понятной и своей форму организации — сплоченную, яркую, сильную. То есть эмоциональное переживание обряда переходит в ценностные установки с положительным или отрицательным потенциалом. Причем даже страх всегда будет сопряжен с восхищением. Для большей же части наблюдателей из традиционной среды бамбара ведущим окажется стремление к сопричастности, к слиянию с той эмоциональной силой, носителем которой и выступает «союз», к какой бы конкретной форме он ни принадлежал (Кома, Коре, Джо и т.п.). Можно предположить, что одним из психологических механизмов притяжения адептов из числа зрителей может выступать «магнетизм» массы, организованного в ритми-

ческом обрядовом действии множества людей. Не исключено, что особую притягательную силу завораживающее, воздействующее на подкорку и фасцинирующее действие оказывает при условии единообразия форм (одежды, движения) участвующих в обряде — элементов множества. И особенно, если их трудно или невозможно идентифицировать (опознать знакомых, родственников и т.п.) из-за того, что лица прикрыты масками, а объемы и пропорции фигур сокрыты самостоятельными значимыми объемами облачений. В таком случае магия игры отвлеченных форм, масс, объемов создает иную реальность обстановки (или «инореальность»), что еще более усиливает эффект. Это может идти через паралич воли и близкое к бессознательному притяжение к движущейся массе, вхождение в ее орбиту и дальнейшее следование динамике этой массы. Недаром хоровод, спиралевидное движение, движение в цепи, чередой в согласованном ритме перемещения большого числа участников так характерны для обрядовых действий «тайных союзов» у бамбара.

Музейный инвентарь дает большие возможности для рассмотрения и реконструкции подобных явлений. В первую очередь здесь следует отметить то обстоятельство, что как ни одна другая сфера деятельности «тайных союзов», их театрализованные церемонии эстетизированы, в нашем понимании. Именно здесь очень ярко и значимо выстраиваются образные овеществленные системы — в виде сочетания дизайна облачений, масок, движения, ритма, мелодии, текста. Причем есть еще и заданный общий эмоциональный фон: радость, веселье, приподнятое состояние духа, ожидание необычного, значимого, «чудесного», переноса в «инореальность», «инобытие». Именно оно, это «инобытие», выступает как сверхреальность, «более, чем реальность», в которой и открывается истинное содержание «реальности». Мне доводилось видеть эти обряды, участвовать в них, и я свидетельствую как очевидец, мой опыт — реальное, пережитое и осмысленное.

В фондах МАЭ есть прекрасные образцы таких предметов — носителей информации, свидетелей подобных эмоционально-интеллектуальных социально значимых движений масс людей. В их числе особо выделяются маски-наголовники «согонин-кун» из коллекции Л. Фробениуса (№ 1688). Равного по качеству серийного материала по бамбара в МАЭ нет. Хотя есть аналогичный массовый обрядовый материал по Экваториальной Африке. Уже сейчас можно сказать, что достойная презентация его в залах МАЭ могла бы значительно усилить адекватность реконструируемой африканской реальности.

Можно сказать, что сила «тайных союзов» в традиционной культуре бамбара, в том, что касается систем отражения окружающей действительности, ее воспроизводства, моделирования, установок на воспроизведение и адекватных привычных форм поведения, — все это во многом возможно за счет единства воздействия самих «союзов» как на общественное сознание, так и на коллективное бессознательное. Эти стороны связываются в единую цепочку, каждый из компонентов которой усиливает смежные. Демонстрируемые в церемониях образные ряды (маски, персонажи пантомим, танцев, речиталов) при fasciniрующем воздействии ритма и движения сопровождаются четкими, выверенными поколениями комментариями, вербализующими, эксплицирующими, рационализирующими эти ряды. Модели, мифологемы глубоко западают в сознание и подсознание, программируют в осознанной и бессознательной форме поведение больших масс. И все это закрепляется и подтверждается высокой эмоциональной составляющей, вольно или невольно возвращающей в сознание, в поведение пережитое в близких или столь отдаленных перекодированных образных формах, что их вряд ли возможно отследить и в научном исследовании, и самому участнику события, действия.

Однако коллективное бессознательное формируется и другими структурами, помимо «тайных союзов». Во-первых, нельзя не упомянуть инерцию всей системы жизни бамбара, весь код культуры, все повседневные действия, привычки, прецеденты. Они задают безотчетный «коридор» действия, видения, толкования. Это составляет и внутреннюю «комфортность» и «дискомфортность» при тех или иных ситуациях, суждениях, выборах поведения. Это в значительной степени база «здорового смысла», служащая отправной точкой бытового поведения, толкования к новационным процессам. Здесь ведущими структурами формирования бессознательного выступают основные коллективы существования («ду», «дугу», «кафо», «мара»). Они же выступают во многом и как коллективы социализации (дополняясь в этом качестве «тайными союзами», «объединениями возрастной взаимопомощи», отчасти как следы или специфические проявления гипотетических «возрастных классов»).

Вторым принципиально важным направлением, каналом формирования коллективного бессознательного следует назвать все структуры, выражающие основную установку «всесвязности» и «всеединства» явлений природы и общества. По сути, на этом построена вся система жизнеобеспечения общества. Бамбара может не задумываться, как тот

или иной поступок отражается на окружении, на самом себе: через принцип «всесвязности», не отдавая себе отчета в том, что отзовется, он выдерживает баланс «действие — обратное действие». Срабатывает что-то вроде «вестибулярного аппарата», чувства гравитации, почти физической устремленности к состоянию покоя, устойчивости, стабильности, но обязательно в сочетании с динамикой внутреннего процесса, деятельностью, своего рода «кровообращением», жизнью.

Кстати, в связи с прикладной, музейной, стороной этого исследования уместно отметить, что образному, знаковому закреплению этого механизма способствует, например, круглая скульптура, напрямую связанная в первую очередь с культом предков и культом плодородия, что на поверку очень часто оказывается двумя сторонами одного и того же явления, выражающего единство процессов в природе и обществе и заодно материализуются в инструментах взаимодействия (на символическом уровне). Ими-то и выступает круглая скульптура, воспринимаемая нами как произведения искусства, эстетизированные предметы. Однако основой их эстетики и игры форм и объемов выступают принципы динамики и статики с соблюдением равновесия в объемах, соотношении масс. При лидерстве правополушарного мировосприятия эта «статичная динамика» западает в глубокие отделы ментальности и, действуя как «код программирования», не требует вербализации для регулирования поведения.

Вообще суетность — чуждое явление в клише поведения бамбара и воспринимается как опасное — не только для социума, но и для всеобщего миропорядка.

В этой фундаментальной части коллективное бессознательное поддерживается и формируется в структурах как хозяйственной деятельности, так и популяционного воспроизводства.

Наконец, необходимо сказать о системе природы, ландшафтных и культурно-ландшафтных образах повседневности как о каналах формирования коллективного бессознательного, ибо «пространства жизни» во многом определяют строй поведенческих и мировоззренческих стереотипов, который не требует объяснения, но адекватно влияет на все происходящее.

В этой естественной среде формируется и бытовое сознание, для которого повседневность — основная ниша существования. Во многом фундаментом бытового сознания выступает «здоровый смысл», составляющий своего рода подводную часть этого «айсберга» ментальности. Находясь за гранью собственно сознания, скорее в системе коллективного бессознательного, он, тем не менее, имеет зримые

формы и в какой-то части вербализуется под влиянием внутренних импульсов культуры. В повседневной жизни «ду», «дугу» в условиях обмена информацией на кочующих в пределах «кафо» рынках в общении смежных поколений, среди сверстников звучат пояснения, наставления, описания и прочие «тексты», обусловленные решением насущных задач. То, что именно так в основном проявляются общности реализации бытового сознания и каналы его воспроизводства самоочевидно, поскольку производство и воспроизводство жизненного процесса, популяции и культуры, всего общества происходит у бамбара именно в этих коллективах. Важными формами реализации бытового сознания, выносящими на поверхность коды мышления, оперирования отраженной действительностью, выступают пословицы и поговорки, сентенции, варианты максим и афоризмов. Они — прямые свидетели «здорового смысла». Но они же — решающий аргумент стереотипности мышления, отражения и поступков. Грубо говоря, опровергнуть аргумент какой-то пословицы можно только аргументом пословицы, но с иным выводом, эмоционально, образно следующим из близкого по образному ключу текста. Подобного рода навыками в повседневной среде обладают, как правило, люди старших поколений, а в соответствии со сказанным выше — и относящиеся к высоким эшелонам посвящения.

Однако у бамбара, да и во всем культурном и социальном континуме, о котором идет речь, имеется социальная группа, профессионально специализирующаяся на устном творчестве, на воспроизводстве и обновлении устного фольклора во всех его проявлениях. Это гриоты («джели»). Воспроизводя фольклор в бытовых и обрядовых ситуациях, гриоты фактически внедряют и корректируют в эксплицитной форме основы и проявления фрагментов и блоков имплицитного целостного обыденного сознания, опирающегося на все тот же сокрытый как вербализуемая целостность в недрах подсознания, бессознательного «здоровый смысл». Хотя для исследования, опирающегося на владение языком и на знание культурного контекста, эти явления «вычислимы», реконструируемы.

Природные ритмы и природные силы

Можно бесконечно возвращаться к теме бамбара как людей в системе природы. И исчерпать эту тему будет крайне сложно применительно к данной культуре, поскольку это ее фундамент. Возьмусь утверждать, что бамбара не только объективно зависимы от природ-